

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ И ПОВЕСТВОВАТЕЛЬ В КНИГЕ Б. ФИЛИПОВА «ВСПЛЫВШЕЕ В ПАМЯТИ»

Тырина Е.Р.¹

¹ГБОУ ВО «Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет», Москва, Россия, e-mail: info@mgpu.ru

Дана краткая информация о Б. Филиппове (Филистинском) (1905-1991), малоизученное творчество и деятельность которого интересны для исследования. Проанализированы отрывки из детских воспоминаний Филиппова, взятых из последней книги автора – «Всплывшее в памяти» (1990). Было проведено исследование текста для того, чтобы охарактеризовать особенности изложения и выделить две точки зрения: автобиографического героя и повествователя. Определена позиция автора относительно уровня жизни в военные и послевоенные годы, а также приведены его суждения о политической ситуации в России. Выбран ряд событий, произошедших в советский период, которые повлияли на личность автора. Именно поэтому детские воспоминания Б. Филиппова рассмотрены одновременно в совокупности с комментариями автора, сделанными после эмиграции в США годы спустя.

Ключевые слова: Б. Филиппов, Филистинский, русское зарубежье, эмиграция, автобиографический герой.

THE AUTOBIOGRAPHICAL CHARACTER AND NARRATOR IN B. FILIPPOV'S BOOK "VSPLYVSHEYE V PAMYATI"

Tyrina E.R.¹

Moscow state pedagogical university, Moscow, Russia, e-mail: info@mgpu.ru

The information about B. Filippov (Filistinskiy) (1905-1991) was written briefly, his work and activity are not studied and that's why very interesting for research. B. Filippov's memories from the childhood were analyzed thanks for his last book – "Vsplyvsheye v pamyati" (1990). The text was examined to describe the features of the presentation by an autobiographical character and a narrator. The position of the author about the level of life in the war and postwar years was determined and his opinion on the political situation in Russia was given. A number of events which occurred in the Soviet period was selected to show the influence of them to the author's identity. That is why B. Filippov's childhood memories were analyzed at the same time with the author's comments, made after the emigrating to the USA years later.

Keywords: B. Filippov, Filistinskiy, Russian abroad, emigration, autobiographical character.

В 1990 г. издательством Overseas Publications Interchange Ltd в Лондоне опубликован сборник рассказов, очерков и воспоминаний Б. Филиппова (1905-1991) [1, с. 639]. К этому времени он уже не первый десяток лет жил в США, эмигрировав еще в 1950 г. в Нью-Йорк. «Всплывшее в памяти» – это последняя книга автора, написанная уже с позиции осмысленного восприятия событий, произошедших с ним на протяжении жизни. В качестве предисловия под названием «Путь-дорога дальняя...» [6, с. 5] автор помещает отрывок из своих детских воспоминаний, которые очень важны и интересны для анализа всего творчества Филиппова и многое проясняют в судьбе самого писателя.

Б. Филиппов – личность интересная и многосторонняя, но из-за малой изученности фактов остаются спорные вопросы в его биографии, дискуссионна оценка его жизненной позиции. Литературоведческий анализ мемуаров в данном случае помогает постичь не только специфику художественного творчества, но дает более точную характеристику автора

как человека своего времени, как виднейшего деятеля русского зарубежья второй эмиграционной «волны».

Говоря о воспоминаниях Б. Филиппова, необходимо упомянуть об отношении к нему на родине: в советское время оно было не благоприятным. Участие Б. Филиппова в религиозно-философских кружках, арест, ссылка, эмиграция, журналистская деятельность - все это только усугубляло подозрительность, неприятие и нападки в официальной советской печати. При этом для читателей исключалась возможность услышать голос обвиняемого. Необходимостью разобраться в происходившем обусловлена актуальность темы, вынесенной нами в заглавие. Кроме того, воспоминания, особенно детские, связанные с тяжелейшими историческими событиями, которые довелось пережить Филиппову (Октябрьская революция и Гражданская война), позволяют понять формирование характера литератора, покинувшего родину по идеологическим причинам.

Анализируя эпизод о детстве, выделим тот факт, что в автобиографическом повествовании явно различаются две точки зрения: повествователя, человека, подводящего итоги своей жизни, и слой повествования, воспроизводящий точку зрения мальчика, такого, каким себя помнит автор воспоминаний. Ведь, как установлено исследователями, «в автобиографических жанрах временная перспектива снимает отождествление автора-творца с главным действующим лицом» [3, с. 82].

Он помнит себя ребенком с поэтическими задатками, которые проявлялись во всем: и в мечтательной задумчивости, с которой смотрел на белый снег и уходящих вдаль по пустыне людей, не желаящий, чтобы идущие куда-то приходили, чтобы это действие не кончалось, т.к. само по себе было самоценным, вызывало глубокие эстетические переживания. Получив в подарок детскую книгу «какого-то благочестиво-народнического содержания», Филиппов-ребенок запомнил цвет ее переплета: теплый цвет слоновой кости «на всю жизнь запал в душу» [6, с. 5]. На обложке книги был изображен тепло одетый юноша, спускающийся с горы. «На сверкающем, как сахар-рафинад, снегу глубокие голубовато-сиреневые следы его валенок уходящие как бы за края переплета» [6, с. 5, 6]. Пятилетнего Филиппова интересовал вопрос: куда он бредет? Но ребенка не устраивает ответ – домой, «мне хочется, чтобы он вечно шел, бесконечно и почти бесцельно – к какому-то неведомому», «не хочу я читать эту книгу: раз приходит домой – значит, конец». В собственных же рассказах и фантазиях он всегда добавлял: «А затем облако на небе, и на нем "Продолжение следует"» [6, с. 6].

О художественной фантазии и поэтическом понимании русского языка свидетельствует и рассказ о восприятии стихов Пушкина. Первые строки поэмы «Цыганы» Пушкина близки Филиппову, «у меня в душе сыздетства» [6, с. 6]: «Цыгане шумною толпой / По Бессарабии кочуют...».

Этот фрагмент явно отсылает читателя к соответствующему эпизоду из эссе М. Цветаевой «Мой Пушкин», в котором поэтесса вспоминает о впечатлении от творчества Пушкина. «Мой первый Пушкин – Цыганы» [2, с. 401] – пишет Цветаева. Найдя своих слушательниц в лице няньки и ее подруги – швеи, она пересказывает историю Алеко и Земфиры, читая некоторые строки наизусть.

Не знающий еще ничего о Бессарабии, Филиппов-ребенок воспринимает на свой лад это географическое название как существительное с предлогом: «В подсознании детское: "без-Арабии..." Да, пустынные необозримые, бескрайние просторы страны арабов, но они уже позади, цыганы уже без них...». Также в сознании ребенка Бессарабия воспринимается как словосочетание «бес Арабии»: «Тот бес пустыни, бес арабов, вечно влекущий их – и цыган – в никуда, в какое-то светлое нечто или ничто, – и вот они вечно кочуют и по степям, и по горам, и по деревням, и по городам, гонимые этим демоном, этим полуденным или полуночным бесом...» [6, с. 7]. Игра слов, поэтическая фоника, богатый ассоциативный ряд явно свидетельствуют о художественных склонностях ребенка.

Особое отношение к поэзии выдает и зависть к младшей родственнице, которая сыпала стихами и рифмами своего сочинения. Филиппов рассказывает о поклоннике своей тетки – Опанасе Богданыче, которого дети называли попросту «Реликвий», а маленькая Наталка сочинила стих и на спор прочла его перед взрослыми: «Милый дядя Опанас, / Принеси нам ананас...» и т.д. [6, с. 114]. Не досказав последнюю строку, любимица дяди Опанаса убежала во двор, а ее рифмовка запомнилась Филиппову на долгие годы.

Интерес к искусству развивается у автобиографического героя и в начале учебы, он рассказывает о том, как помощник учителя, заметивший интерес к истории театра, «начал давать мне редчайшие книги из своей личной библиотеки. Рассказывал о московских театрах – Малом, Корша, о Садовском и Садовской, о Ермоловой, Комиссаржевской, Сумбатове» [6, с. 120]. Позже Филиппов напишет не одну газетную статью, посвященную различным деятелям искусства, и театра в частности. Даже в ссылке и лагерях его тяга к театру не остывала, а интерес к происходящим событиям в области культуры только рос.

Уже на страницах о раннем детстве в рассказах о внутреннем мире ребенка, каким себя помнит повествователь, включается голос пожилого человека, осмысляющего исторические события, происходившие в годы его детства. Так, рядом с рассказом о гимназии – оценка начала революционных событий: «Тем временем жизнь города и страны сотрясали и корежили гражданская война, грабежи и террор красных, отместка белых, виселицы зеленых, тачанки с пулеметами и черными знаменами анархистов... обыски и аресты – вся та "романтическая" прелесть жизни, которую воспевали Пильняк и Бабель» [6, с. 120]. Уже в этом небольшом фрагменте даны резкие негативные оценки явлениям, ценность и

значимость которых не подлежала сомнению в стране победившего пролетариата. Но очевидно, что эти оценки даны в гораздо более поздний период – мальчик еще не мог читать рассказы И.Э. Бабеля и Б.А. Пильняка. Кроме того, согласно официальной идеологии в стране Советов, «террор красных» – это «героическая борьба за правое дело», достойная романтического ореола. Тот, кто не понимает этого, – враг. Таким образом, рассказывая даже о своем детстве, повествователь позиционирует себя как противника советской идеологии.

Религиозный контекст присутствует в воспоминаниях Филиппова, например, в описании набожной старушки, мстящей всем своим неприятелям сто восьмым псалмом (заказывала и оплачивала в церкви «поминание»). В этом эпизоде подмечен один из любопытных аспектов бытовой религиозности начала XX в.: «Дети его да будут сиротами, и жена его вдовою» [6, с. 121] – желала словами известного псалма теща своему зятю (т.е. фактически проклиная своих внуков и дочь) за мелкие житейские прегрешения (пообещал, но забыл подарить платок, например). Яркая художественная картина, стилизованная речь, портрет старушки воссозданы Филипповым живо и образно. Само событие, его изображение, мотивы вызывают массу литературных ассоциаций. Ближайшие из них: «куриной гузкой сжатый тонкогубый рот» – фраза, расположенная в «ударной» позиции (начальная фраза раздела, отмеченного звездочкой) напоминает о портрете, данном А.Н. Толстым в знаменитом «Хождении по мукам»: «И тут же – убитый – капитан Веденяпин, карьеристик, с кариозными зубами и мокрым ртом, как куриная гузка, сложенным, будто для поцелуя...» [4, с. 235]. Сходная сюжетная ситуация (родитель по глупости и ханжеству грешит тем, что клеймит позором свое дитя) является центральной в рассказе А.П. Чехов «Панихида».

Литературность ассоциаций, проглядывающих в бытовых зарисовках воспоминаний Филиппова, свидетельствует об особой, «литературно-критической» точке зрения автора. Заканчивая рассказ о недоброжелательной старушке, автор делает следующее заключение: «Юность, тем более отрочество, нетерпимы, пожалуй, еще безжалостнее, чем старушья злота. И мы, тринадцати- и одиннадцатилетние, всячески старались чем-нибудь напакостить тетке Сто Восьмой псалом» [6, с. 122].

Одна из важнейших в воспоминаниях Филиппова мысль, переданная цитатой из стихотворения Ф.И. Тютчева «Цицерон» (1836): «Блажен, кто посетил сей мир / В его минуты роковые!» [5, с. 153]. Эти слова являются предметом для спора автора воспоминаний с русской классикой. Он категорически не принимает благотворного влияния «роковых минут» на жизнь обычного человека: «Как бы не так!» [6, с. 123] – восклицает Филиппов. В этой реакции живого человека, пережившего пресловутые «роковые минуты», слышится целый комплекс чувств: боль, досада, отчаяние. Его рассказ о неудачном офицерском восстании в Ставрополе лета 1918 г. пронизан горечью и ненавистью. Дело не только в том,

что публичной казни подверглись двоюродные братья матери Филиппова, Петр и Павел Ртищевы. Здесь переданы чувства очевидца этого события, не изображенного прямо, а только в восприятии публики, «хамья» по определению повествователя: «Весь городской плебс, все хулиганы, все окраинные мальчишки... площадь гудела, слышались злобные выкрики озверелого хамья... мальчишки... восторженно орали, свистали, матерились. Петра Ртищева и других подстреленных, но не убитых, добивали штыками» [6, с. 124]. Передано ощущение ужаса перед волной злобы, залившей площадь и готовой поглотить тех, кто к ней не присоединился.

Характерны оценки, в которых прямо выражено неприятие революционных событий: «...время было страшное: свирепствовала "героическая" ЧеКа», «Босячье, не разошедшееся после расстрела офицеров, стало угрожающе надвигаться на близких и родных расстрелянных», «Слышалось: "Вон энтих буржуев еще не доби́ли"» [6, с. 125].

Таким образом, становится очевидной глубоко личная причина, по которой подросток (одиннадцати лет) становится изгоем в «новом» обществе. В воспоминаниях воссоздана «эволюция» характера личности, отверженной новым строем, показано, как вырастает ненависть к жесткости озверелого большинства. Скупое передано поведение «окаменелой» матери офицеров Ртищевых. Рассказчик ничего не говорит о переживаниях мальчика – главного героя, события этого сюжета осмыслены взрослым человеком, возможно, не раз в думах к ним возвращавшимся. Безбожность казни как бы подчеркнута именами русских офицеров, казненных в день памяти их святых, – Петра и Павла. В православии Петров день (12 июля) является очень значимым давним праздником, в который обычно вспоминают житие, мученичества и страдания первоверховных апостолов. В этот день в 258 г. их святые мощи были перенесены в Рим. Для православных христиан в образах святых Петра и Павла показаны кротость и вера в Христа, а их жизненные пути объединены безграничной любовью к Иисусу, которая сопровождалась духовными подвигами и мученической смертью за Христа.

Филиппов пишет: «Когда в жизни народа и страны происходит столько событий, личные биографии затухают, стираются» [6, с. 126]. Становится понятно, что рассказчик не только вспоминает, но и заново осмысливает свою жизнь. Его взгляд на репрессии новой власти гораздо шире понимания мальчика из провинции. Видимо, дальнейшие исторические события только подкрепили детские впечатления. По большому счету и власти-то нет: приходят то одни, то другие в город и творят свои ужасные дела: «идешь по улице, а в канаве лежит труп – раздетый до рваного белья офицер или красноармеец, или матрос, или "зеленый" партизан» [6, с. 125].

Конечно, не только плохое вспоминает Филиппов, но и рассказывает про дом в Ставрополе, «который помнил еще Пушкина и Лермонтова» [6, с. 126], про жизнь по православному календарю («Мы любили кануны Святков больше самих Святков» [6, с. 126] и т.д. Но это касается только «домашней» жизни.

Ближайшее окружение ребенка показано не однозначно: пренебрежение к людям другого, более низкого социального слоя, вполне ощутимо в рассказе о девочке из «простых», принятой в круг бывших дворянских детей. Именно Настькин портрет вспоминается детально: «заморыш с крысиными косичками, свернутыми у висков в бараньи рога...», рассказывая, Настька «шептала, широко раскрыв выпуклые оловянные глаза» [6, с. 127]. Однако именно эта девочка знала «непечатый запас народных преданий, поверий, легенд... К тому же Настька была отчасти и цивилизованной: окончила двухклассную школу, любила читать про таинственное» [6, с. 127]. Рассказывая о том, как узнать место, где закопан клад (посредством заклятья сопатога старика), Настька дает «честное комсомольское» [6, с. 128], что свидетельствует об определенной условности и символичности всего рассказа. Поэтичность, мягкий юмор, пронизывающий страницы о детских рассказах, сменяются жесткой оценкой общего уровня народа: «Кончался двадцатый год. В школах уже вдалбливали "Азбуку коммунизма" Бухарина и Преображенского. А к Настькиной бабке Иванихе ходили заговаривать зубную боль не только соседи по Мутнянке, но и секретарь райкома, и инспектор губпрофсовета Пересыпкин. ...Под Рождество ходили со звездой, даже иногда и комсомольцы, и пели...» [6, с. 129]. Таким образом, автор создает собирательный образ народа, совершившего революцию: чуждого истинному православию, суеверного, необразованного и искренне верящего в легенды, внешне неказистого и злобного, не изменившегося с приходом новой власти.

Обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что точка зрения автора воспоминаний на происходившие события социально обусловлена. Контрастом к теплым воспоминаниям о домашней дореволюционной жизни звучит описание жестокостей гражданской войны. Как самое ценное вспоминается детский интерес к искусству – поэзии, театру, музыке. Именно эти темы будут звучать в собственно художественных произведениях, подписанных именем «Филиппов» и изданных за пределами России.

Список литературы

1. Агеносов В.В. Восставшие из небытия. Антология писателей Ди-Пи и второй эмиграции. – Москва : АИОР-XXI, 2014. – 728 с.

2. Ляпон М.В. Проза Цветаевой. Опыт реконструкции речевого портрета автора. – М. : Языки славянских культур, 2010. – 528 с.
3. Романова Г.И. Субъектная организация речи в эпосе // Романова Г.И. Мир эпического произведения как теоретико-литературная проблема. - М. : НТЦ «Университетский», 2008. – 220. с.
4. Толстой А. Хождение по мукам. Трилогия: Хмурое утро / коммент. М. Козьменко. – М. : Худож. лит., 1984. – 391 с.
5. Тютчев Ф.И. Стихотворения. - М.-Л. : Советский писатель, 1962. – 427 с.
6. Филиппов Б. Всплывшее в памяти. Рассказы. Очерки. Воспоминания. – Лондон : Overseas Publications Interchange Ltd, 1990. – 391 с.

Рецензенты:

Романова Г.И., д.фил.н., профессор кафедры русской литературы Института гуманитарных наук ГБОУ ВО «Московский городской педагогический университет», г. Москва;
Завгородняя Г.Ю., д.фил.н., профессор кафедры классической литературы и славистики Литературного института им. А.М. Горького, г. Москва.